

Десятая глава "Евгения Онегина"

(Проблемы реконструктивного анализа)

Русская литература, No 3, 2003
OCR Бычков М.Н.

Определив 25 сентября 1830 года общий текст романа "Евгений Онегин" в составе девяти глав (ПД 26), Пушкин, однако, некоторое время предполагал "для себя" как-то иначе закончить произведение, осознавая, что в печать этот эпилог пройти не сможет. Перспектива такого завершения, впрочем, брезжила еще в конце 1820-х годов: в походной палатке во время Арзрумской кампании поэт, по свидетельству очень точного в своих воспоминаниях М. И. Юзефовича, объяснил "довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов".¹ Ю. М. Лотман полагал, что "переносить эти рассказы на десятую главу, о которой Пушкин в то время еще не мог думать, у нас нет достаточных оснований <...> предположение, что Пушкин в 1829 году почти посторонним людям рассказал некоторый сюжет, а через полтора года стал его же "перелагать" в стихи, подразумевает полное непонимание психологии творчества Пушкина, который редко импровизировал в устной форме и из незаконченного делился лишь замыслами, уже оставленными бесповоротно. Как источник реконструкции не дошедшей до нас части сюжета десятой главы воспоминания Юзефовича следует решительно отвести".²

Суждение, на наш взгляд, слишком категоричное.

В черновике "Метели" (ПД 997, л. 28) в Болдине появится помета "19 окт. сожж. X песнь". Трудно предположить, что за три недели (с 26 сентября по 19 октября) была создана целая глава романа, если учесть, что в эти дни написано около двух десятков стихотворений, поэма "Домик в Коломне", основная часть полемических заметок, озаглавленных позже "Опровержение на критики", а также повести "Выстрел" и "Метель". Скорее всего, накануне он восстановил по памяти ранее (до поездки в Болдино) написанные строфы о "Владыке слабом и лукавом". Возможно, Пушкин записал их текст даже не целиком, а лишь набросал начальные строки этих строф (иногда запамятавав к тому же некоторые строчки), а заново дописал лишь три строфы исторической хроники, дошедшие до нас в болдинских черновиках.

Возвратившись из Болдина, Пушкин некоторым близким друзьям (П. А. Катенину, П. А. Вяземскому, А. И. Тургеневу) рассказывает или даже читает опасные стихи.

Тогда же в перебеленной рукописи "Странствие" (ПД 943) он делает некоторые пометы, которые и намечают зачин новой главы. Пушкин ставит помету: "в X песнь" -- около первой из строф "Странствия" (ПД 943, л. 1) "Наскуча или слыть Мельмотом..."; выше этой строфы тогда же (судя по почерку и качеству чернил) записывает: "блаж<ен>, кто смолodu бы<л> молод"; а отчеркнув внизу ту же строфу справа, пишет поверх линии: "Нам по плечу и не страшна" -- и далее в правом углу той же страницы после нескольких переделок отработывает строку:

Вот это вам письмо точь в точь.

В академическом издании эта строчка (см.: VI, 632) трактуется как след последней правки восьмой главы романа, когда осенью 1831 года Пушкин решил включить в нее письмо Онегина.

Но в сочетании с указанной пометой "в X песнь" все пометы на данной странице можно толковать как продолжение (после Болдина), работы над новой главой. В начале октября 1829 года четыре строфы, начинающиеся строчкой "Блажен, кто в юности был молод...",³ были записаны набело в Первой Арзрумской тетради (ПД 841, л. 120--121), а далее в той же тетради началась черновая работа над строфой "Наскучив щеголять Мельмотом..." и следующими строфами, описывающими путешествие Онегина по России. Однако перебеленный автограф "Странствия" (ПД 943) начинался со строфы о Мельмоте. Теперь же строки вступления намечаются сызнова, но уже как начало иной главы, которое, по-видимому, Пушкину в то время рисовалось так: